

Там, а не здесь

Экран и сцена - 1999 - нояб. (№44) - 62

Андрей Вознесенский — это образ-миф, даже для тех, кто никогда не держал в руках его поэтических сборников. Миф, абсолютный и недосигаемый в 60-х — 70-х, и ностальгический — сейчас. Времена разительно изменились. В 70-е, например, о его поэтическом вечере, заведомо недоступном, надо было вынюхивать непостижимыми способами. Сегодня для привлечения публики вовсе используют широкие рекламные ходы. Включение авторского вечера Вознесенского в октябрьский репертуар Новой Оперы — абсолютный рекламный ход.

Литература в России целостнее и историчнее и принадлежит времени дольше, чем театр, сиюминутный и рванный. Но мир литературы изолированнее театрального мира. Конфиденциальные литвечера в ЦДЛ — не для народа. Простой человек, даже будучи жгучим обожателем поэзии, сам по себе никогда не посмеет переступить порог Дома литераторов.

Театр — дело совсем иное, он изначально для

масс. Хотя столь вызывающе-буржуазное здание, как Новая Опера, — тоже ведь не лучшее место для стихов. В этом смысле классичное благородство Зала Чайковского, где проходили раньше традиционные ежегодные вечера Вознесенского, — более уместно.

В последние годы поэзия, все больше ощущая себя товаром, стремится к предельной театрализации литературных вечеров. Однако "театрализация" вечера Вознесенского ограничилась лишь внедрением его в зал Новой Оперы. Все остальное было, слава богу, по-прежнему.

На ничуть не театрализованной сцене все происходило именно так, как мы ждали. Стоял поэт и читал нам свои стихи — как было объявлено, от "Первого льда" до "Девочки с пирсингом". После двух-трех новых стихотворений, мало кому знакомых, пошли непрерывным потоком старые, хрестоматийные, которые мы, собственно, и

ожидали услышать и рады которых собрались: "Васильки Шагала", "Молитва" из "Юноны", "Не возвращайтесь к былым возлюбленным", "Ностальгия по настоящему", "Заведи мне ладони за плечи", "Оптимистический реквием Владимиру Высоцкому", "Песня акына".

Потом замелькали видеомы, показанные через проектор: "Бабочка Набокова", "Ростропович", "XX век", "Барков", "Мадонна", "Есенин", "Девочка с пирсингом", "Достоевский". Отдельным сюжетом шел аудио- и видеорассказ о знаменитом диалоге Вознесенского с Хрущевым.

Потом, после пары новых стихов — опять: "Лейтенант Неизвестный Эрнст", "Аве, Оза", "Ну что тебе надо еще от меня?", "Когда я придаю бумаге черты твоей успешной красоты...", "Нас много, нас, может быть, четверо". И вечные — "Я — Гойя!" и "Осень в Сигулде".

Между "Шаландой же-

ланий" и "Озой" — физически ощутимые десятилетия. Для него самого главные стихи — те, что остались в 60-х — 70-х и которые он знает наизусть гораздо лучше, чем сегодняшние. Ни одно из новых не приобрело той законченности публично-декламационной формы, которую знала "классика". Его язык обметан ностальгией. Да и мы в наших мыслях о нем все же повернуты от сегодняшнего дня к вчерашнему. Вознесенский для нас — там, а не здесь.

Фирменный декламационный шарм его также принадлежит истории. Его сегодняшнее чтение — как бы воспоминание о прошедшем. То же — лишь выражение лица и брови, сведенные "домиком". Читает набросочно, половины слов не припоминая. Обожающий, понимающий, тихий зал терпеливо переживает заминки и паузы. Иногда кто-то просит: "Пожалуйста, громче!" Он отвечает: "Простите..."

Ольга ИГНАТЮК